

Звёздные врата, пустовавшие последние четыре года, высились в секторе Stargate. Как и на протяжении бесчисленных тысячелетий, на их поверхности не осело ни пылинки — они лишь отливали глубоким, торжественным иссиня-чёрным глянцем. Персонал Базы № 9 завершал последние приготовления. Два последних оставшихся у человечества энергетических кристалла, ZPM, сияли переливчатым светом, окрашивая замкнутое пространство сектора Stargate в ослепительное золото.

Памятуя об инопланетном вторжении во время миссии SG-1 четыре года назад, Федеральное правительство приняло беспрецедентные меры безопасности. Сектор Stargate заключили в глухую круговую броню — шестиметровые стены из высокопрочной стали, укреплённые снаружи несколькими слоями кристаллов Туаой, прочностью превосходящих любой металл. Эта сверхнадёжная цитадель напоминала бронированный кокон. Исследовательская группа, готовая к отправке в мир Элохим, уже завершила сборы и ждала лишь сигнала генерала Мориса.

«X126, M49000, N362, S90900, ALM.124» — эти координаты предоставил Симо, а Хань Цзин с помощью расчётов сумел перевести их в пространственные ориентиры. Хотя для человеческого разума эти вычисления оставались постижимыми лишь теоретически, голографический интерфейс Звёздных врат без труда распознал и зафиксировал нужный вектор.

Активация Звёздных врат для связи с затерянным в глубинах космоса миром Элохим требовала колоссальной энергии. Чтобы пробить барьер между галактиками и проложить путь сквозь кротовую нору, требовалась сила, способная разорвать саму ткань пространства. Двух уцелевших ZPM могло не хватить, однако Симо проявил редкое упрямство. Он убедил руководство Федерации: если за дело возьмётся Морис, запуск обязательно увенчается успехом.

Морис понимал, откуда в Симо эта слепая уверенность. Тогда, во время чудесного спасения с планеты Uiws, они сумели вернуться домой на космическом корабле Breton. Ходили слухи, что прыжок удался лишь благодаря ментальной силе Мориса — неведомому, загадочному источнику энергии, пробуждённому его волей. Истерзанный корпус Breton до сих пор покоился в одном из испытательных ангаров базы: повреждения были слишком серьёзными, чтобы корабль можно было восстановить. И вот теперь Морису предстояло совершить это чудо вновь.

С холодным, бесстрастным лицом Морис запрокинул голову, глядя на колоссальное кольцо врат. Этот портал не раз являлся ему в полузабытых снах.

До сих пор он не мог разгадать значение этих зыбких, ускользающих образов. Они походили на солнечные блики, дрожащие на беспокойной глади воды — мириады слепящих золотых искр, скрывающих под собой нечто непостижимое. Что они пытались ему поведать?

Раздался низкий, утробный гул, словно пришедший из самых недр земли. Словно далёкий раскат предгрозового грома, он глухо отозвался в груди каждого присутствующего. Морис опустил ланиту на куполообразную консоль управления. В тот же миг оба энергетических кристалла ZPM вспыхнули неистовым янтарным светом. Потoki чистой энергии завихрились, напоминая разъярённых золотых драконов, рвущихся на волю.

Колоссальное кольцо врат пришло в движение. С тяжёлым, скрежещущим металлическим звуком оно начало вращаться. Каждый оборот напоминал работу гигантского кодового замка: скользящий механизм с тихим щелчком фиксировал треугольные защёлки-шевроны, венчавшие обод. Тридцать шесть загадочных символов, высеченных на внутреннем кольце, поочередно вспыхивали лазурным светом и гасли. Перед Морисом прямо в воздухе сооткался прозрачный голубоватый экран. На нём мерцали чуждые знаки и незнакомые данные, и лишь в правой части плавно вращалась детальная трёхмерная карта звёздного неба, в которой безошибочно угадывалась Солнечная система.

Его пальцы скользнули по сенсорной панели. Каждое прикосновение отзывалось мягкими золотистыми искрами, словно подтверждая разблокировку защитных протоколов. Стоило Морису ввести последнюю команду, как весь интерфейс рассыпался мириадами сверкающих пылинок и растаял в воздухе.

Морис отступил на шаг и незаметно прижал ладонь к низу живота, уловив слабую, тянущую боль. Он нахмурился. На бледном лице промелькнула тень тревоги.

«Неужели догадки верны?»

Если его подозрения подтвердятся, эта внезапная боль могла быть опасным предзнаменованием угрозы выкидыша.

Четыре года назад всё начиналось точно так же...

Воспоминания о том времени, когда он носил под сердцем Кэтрин, нахлынули непреодолимой волной. Морис мысленно обругал себя за тогдашнее легкомыслие. Сейчас его сковал нешуточный страх. Волнение за неродившегося ребёнка и колоссальное напряжение от запуска врат к Элохиму слились воедино, пока вокруг гремел тяжёлый, мерный гул вращающегося и настраивающего координаты механизма.

Внешнее кольцо наконец замерло, и в помещении воцарилась напряжённая тишина. Все затаили дыхание. На массивной раме врат выстроились девять треугольных фиксаторов; шесть из них зажглись ровным, чистым сиянием. Этот свет стремительно набирал силу, пока не превратился в ослепительный блеск, напоминающий синие алмазы.

Гигантский портал замер, словно накапливая силы перед неизбежной вспышкой.

Напряжение достигло предела. Все понимали: запуск пошёл не по плану. Секунды тянулись бесконечно долго, но врата так и не исторгли из себя привычный бушующий поток лазурной плазмы, напоминающий кипящую морскую пучину.

Морис обернулся и посмотрел на стоявшего рядом Симо.

Тот лишь нахмурился и растерянно покачал головой в ответ.

Ожидание затянулось почти на минуту. И вдруг лица присутствующих озарила резкая, ослепительно-синяя вспышка.

— Боевая готовность! — резко скомандовал Морис.

Но не успело эхо его голоса затихнуть, как только что хлынувший поток лазурного сияния мгновенно иссяк. Прыжковый туннель схлопнулся, просуществовав едва ли полсекунды. Свет померк, сапфировые треугольники на ободке погасли один за другим. Связь оборвалась. Огромное кольцо врат с тяжёлым скрежетом остановилось.

— Что произошло?

— Произошёл сбой в системе?

— Такого раньше никогда не случалось!

— Генерал Морис, запустить повторный набор?

Поднявшийся гул Морис прервал одним коротким, холодным приказом. Внешне он оставался абсолютно спокоен, хотя в душе растерялся не меньше остальных.

— На сегодня испытания окончены. Я лично доложу о случившемся правительству Федерации, — ледяной, властный тон генерала не допускал возражений. Он перевёл тяжёлый взгляд на русалку. — Симо, у тебя есть возражения?

Симо смотрел на опустевшее кольцо портала. В глубине его фиолетовых глаз медленно разгоралось отчаяние.

— Дело не в нас... — глухо заговорил он. — Набор прошёл успешно, мы соединились с Элохимом. Но они отвергли нас. Заблокировали наш запрос.

— Отвергли? Но ведь прокол пространства работает в обе стороны, — Морис не сумел скрыть удивления.

По его опыту — будь то в мире Идо, на планете Камера или при столкновении с исполинскими Радужными вратами чужаков — при успешном наборе принимающая сторона всегда раскрывалась безбрежным сиянием. Иного исхода просто не существовало.

— Пространственный прокол и создание кротовой норы — это величайшее чудо, позволяющее

путешествовать между звёздами. Но в условиях войны такие врата превращаются в уязвимость, смертельную угрозу, — Симо устало вздохнул. — Поэтому высшая цивилизация Элохим разработала технологию защиты от несанкционированного проникновения. Они создали особое силовое поле, которое называют энергетическим щитом SGC.

— Наш сигнал просто наткнулся на этот щит. Элохим слышали зов человечества, но предпочли проигнорировать его. Похоже... последняя надежда спасти мою дочь только что умерла.

— Симо... — Морис сжал плечо друга.

Он не знал, какими словами его утешить. Окажись его собственная дочь, Кэтрин, на месте угасающей Хелен, разве он сам не цеплялся бы за любой, даже самый призрачный шанс на спасение? Наверняка боролся бы ещё неистовее.

— Технологии SGC-щитов доступны лишь цивилизациям высшего порядка. В моей генетической памяти есть сведения о том, что даже развитый народ Камеры не сумел постичь даже базовых принципов этой физики, — Симо горько усмехнулся, угадав его мысли. — Нам, людям, никогда не воспроизвести подобное устройство.

Очередное фиаско лишило Симо последних душевных сил. Слишком измученный, чтобы выдать хотя бы подобие вежливой улыбки, он передал Морису отчёты и покинул командный пункт.

Морис молча смотрел ему вслед, пока силуэт Симо не растаял в коридорах сектора Эрра. В груди шевельнулась тоскливая жалость. Оставшись в полном одиночестве в просторном кабинете, он опустился на диван. На невысоком столике остывал кофе, от чашки всё ещё поднимался едва заметный парок. Морис устремил задумчивый взгляд в панорамное окно из кристаллов Туаой.

Положив ладонь на живот, он дождался, пока утихнет ноющая боль, и лишь тогда облегченно вздохнул. Наклонившись, Морис взял чашку. Голову занимали невесёлые думы о том, как убедить правительство раз и навсегда закрыть проект «Элохим». Но куда сильнее его тревожил внезапный спазм. На всякий случай он уже отправил сообщение доктору Марко.

Тишину нарушил сигнал коммуникатора. Звонил Хань Цзин из далёкого Эвиду.

— Как всё прошло? Ты в порядке? — взволнованный, заботливый голос мужа заставил Мориса невольно улыбнуться. Было слышно, как Хань Цзин шумно выдохнул, едва услышав ответный сигнал связи.

— Всё хорошо, не переживай, — Морис продолжал бережно баюкать ладонью живот.

Он помедлил, решая, стоит ли делиться подозрениями прямо сейчас. Рассудив, что горячку пороть не надо, он решил промолчать до результатов осмотра.

— Нам не удалось установить стабильный канал. Проект придётся свернуть. Подробности обсудим при встрече.

— Я собирался приехать за тобой в аэропорт, но нам только что одобрили допуск на Харон. Придётся задержаться в штабе допоздна.

— На Харон? — Морис напрягся.

— Совсем заработался, забыл? — мягко рассмеялся Хань Цзин. — В начале следующего месяца тебя отправляют туда с инспекцией. Я подал рапорт на включение меня в группу сопровождения, так что мы проведём там около двух месяцев.

— Да, конечно...

Запинка Мориса была вызвана мыслями о беременности. Если Марко подтвердит его догадку, разумно ли лететь на Харон? Там небезопасно, и Хань Цзин костями ляжет, но не пустит его туда. Однако эта командировка критически важна для его дальнейшего продвижения по службе. Для человека его ранга появление ребёнка вновь грозило спутать все карьерные карты.

— Постарайся всё же встретить меня. Мне нужно заехать к Марко. Я переоформлю билет на шестичасовой рейс, так что к семи буду в аэропорту Эвиду, — в голосе Мориса скользнула непривычная, мягкая ласка.

— Договорились, я буду вовремя, — отозвался Хань Цзин.

Он на секунду замолчал, чувствуя, что муж сегодня звучит как-то иначе.

— Устал? Ты с самого аэропорта сам не свой, — Хань Цзин поглядывал на мужа, ведя машину по знакомым улицам. Впереди уже показались тёплые огни их дома.

Морис прислонился виском к стеклу, вдыхая доносившийся с улицы аромат скошенной травы. Его левая рука бережно покоилась на животе. Интуиция не подвела: он действительно носил под сердцем дитя. Срок составлял уже восемь недель. Выходит, всё случилось в Юрике, когда они поддались порыву страсти и пренебрегли контрацепцией. Беременность наступила мгновенно, застав его врасплох.

Плод развивался правильно. Малыш унаследовал безупречную генетику Мориса, как в своё время и Кэтрин. Пол ребёнка он узнавать не стал — захотел сохранить интригу до самых родов.

Единственное, что внушало ему лёгкое беспокойство, — пресловутый генетический отчёт. Слишком высока была вероятность, что новорождённый унаследует пепельные волосы и янтарные глаза атлантов...

— Папа!

— Отец!

Кэтрин кубарем скатилась по ступенькам крыльца и с весёлым визгом бросилась к Морису. Она обхватила его колени, прервав затянувшиеся раздумья.

Морис рефлекторно напрягся и осторожно перехватил девочку за плечи, сдерживая её порыв.

Кэтрин вскинула голову. Чувствуя несвойственную родителю осторожность, она удивленно моргнула.

— Малышка Кэтрин глаз не сводила с дверей, — с теплой улыбкой проговорила Моника, выходя следом на крыльцо. — Так соскучилась, что отказалась ужинать без вас, даже к любимому сливочному супу с лобстером не прикоснулась.

— Глупышка, ты же обещала мне по телефону, что поешь, если проголодаешься, — Хань Цзин ласково пожурил дочь, подхватывая её на руки.

— Я совсем не хотела есть без вас, — Кэтрин доверчиво прижалась щекой к плечу Хань Цзина, но взгляд её круглых глаз по-прежнему был устремлен на отца.

Морис бережно перехватил дочь из рук мужа. Каждое его движение сквозило неестественной плавностью. Кэтрин довольно засопела, устроившись у него на груди и уткнувшись носом прямо в золотые генеральские погоны.

На ужин подали изысканные блюда французской кухни. Начали с любимой Кэтрин икры севрюги Сэси, а следом принесли нежный суп-пюре из лобстера. Стоило Морису уловить тяжелый, приторный аромат сливок, как его лицо изменилось. Накатившая дурнота заставила его поспешно прикрыть рот ладонью. Он не ожидал, что токсикоз проявит себя так рано — ведь ещё вчера он чувствовал себя превосходно. Или дело в обычном самовнушении?

— Отец, суп сегодня просто объедение, — Кэтрин, аккуратно сидевшая на высоком стуле, заметила, что тарелка Мориса остаётся нетронутой. Она отставила ложку и смешно сморщила испачканный в сливках нос.

— Дома нужно расслабляться, нельзя вечно держать себя в напряжении, — Хань Цзин ласково улыбнулся мужу. — Забудь о делах штаба хотя бы на вечер. Попробуй суп, дочка права, он замечательный.

Решив, что Морис расстроен из-за сорвавшейся миссии на Элохим, Хань Цзин потянулся к графину.

— Налить тебе водки? К икре Сэси это лучшее сопровождение.

— Не нужно, я не хочу, — мягко отказался Морис.

— Что с тобой? Плохо себя чувствуешь? — Хань Цзин мгновенно напрягся. Он протянул руку и коснулся прохладного лба мужа, но жара не обнаружил.

— Всё в порядке, — Морис отвёл его руку.

Подавляя тошноту, он невольно улыбнулся — забота мужа грела душу. Благодаря идеальной генетике атлантов, Морис за всю жизнь ни разу не подхватил даже простейшего насморка. Хань Цзин прекрасно это знал, но стоило Морису помрачнеть или выказать усталость, как тот начинал паниковать.

Морис честно пытался пересилить себя, чтобы поужинать с семьёй, но к горлу подкатывала всё новая волна дурноты. Последней каплей стали свежие устрицы, которые Моника внесла в качестве основного блюда. Запах сырых морепродуктов заставил Мориса резко подняться из-за стола. Не говоря ни слова, он стремительно вышел из столовой.

Хань Цзин вскочил, собираясь броситься следом. Но испуганный взгляд дочки заставил его помедлить. Кэтрин замерла с ложкой в руке, явно решив, что папа рассердился из-за неё.

— Кэтрин, милая, кушай суп. Папа поднимется наверх на минутку и сразу вернётся, — успокаивающе проговорил он, вкладывая приборы в маленькие ладошки.

— Отец злится на меня? — тихо спросила девочка.

— Конечно нет, радость моя. Разве на такое послушное солнце можно злиться? Отец просто немного приболел, я сейчас проверю, как он.

Погладив Кэтрин по щеке, Хань Цзин поспешил наверх. Поведение Мориса не укладывалось у него в голове. Тот никогда не позволял себе переносить рабочие неурядицы в семью и тем более срываться при ребёнке.

Терзаясь смутными сомнениями, Хань Цзин поднялся на второй этаж. Из ванной доносились приглушённые звуки. Когда он зашёл, измученный спазмами Морис бессильно опирался на раковину. Золотистые пряди растрепались, лицо осунулось, а на лбу выступили мелкие капли пота.

— Морис, что с тобой? — Хань Цзин испуганно притянул его к себе.

— Я беременен, — невозмутимо ответил Морис.

Реакция мужа была предсказуемой: Хань Цзин тут же крепко обнял его со спины, и Морис почувствовал, как того заколотило от волнения.

— Днём я заезжал к Марко. Всё подтвердилось. Ребёнок развивается нормально, срок — два месяца.

— Два месяца? — до Хань Цзина наконец начал доходить смысл услышанного. — Постой... Значит, мы зачали его во время поездки в Юрику?

— Сильный приступ? Не пей холодную воду, от неё только хуже. Я сейчас принесу тёплой воды с мёдом. Тебе нужно лечь. Перелёты во Флориду и обратно в твоём положении — это слишком большая нагрузка.

Хань Цзина переполняли восторг и паника. Всё повторялось точь-в-точь как четыре года назад: он снова суетился и без умолку засыпал мужа банальными советами.

— Я в порядке, не нужно делать из меня больного, — Морис иронично приподнял бровь.

— И всё же посиди на диване, тебе вредно стоять на ногах, — настоял Хань Цзин с тем же упрямством, что и в первую беременность.

Он бережно увёл мужа на мягкую софу у панорамного окна. За стеклом уже сгустились сумерки. Сад заливал мягкий, серебристый свет луны, очерчивая контуры плакучих ив и цветущих бегоний, словно благословляя двух обнявшихся людей.

<http://bllate.org/book/19677/2006488>